

Прекрасное видение

Автор:

Анастасия Дробина

Прекрасное видение

Анастасия Дробина

Катя, Нина и Ванда – закадычные подруги. Внезапно Ванда исчезает – красивая, талантливая и загадочная танцовщица фламенко... Девушки не на шутку обеспокоены этим. Они незамедлительно начинают поиски, к которым подключили и бывшего мужа Нины – милиционера Петра Осадчего, и крутых братьев Кати. Для начала они все вместе решили наведаться в квартиру Ванды – а вдруг найдут что интересное? И не ошиблись. И вот на столе у них лежит пакетик из-под героина, бумажка с обрывками слов и пустой конверт, в котором Ванда хранила деньги... Ничего себе коллекция! Неужели подруга связана с наркотиками? А они-то думали, что, кроме фламенко, ее ничего не интересует! Надо срочно что-то предпринять! Ведь никто, кроме них, не принесет решения проблемы на блюдечке с голубой каемочкой и не отыщет Ванду...

Анастасия Дробина

Прекрасное видение

Военный совет собрался в пятницу, в девять часов вечера, на нашей кухне. Присутствовали: я, бабуля, Катька, Яшка Бес и мой экс-супруг Петька Осадчий, красавец и милиционер. Несмотря на количество людей, тишина в кухне стояла мертвая. Все взгляды были обращены к Катьке, которая накручивала телефонный диск. Набрав номер, она прижала трубку к уху. Мы вытянули шею. Молчание длилось минуту. Другую. Третью.

– Ну что? – спросил Осадчий. Ответ был рифмованным, но крайне неприличным. В трудные минуты жизни красавица, умница и старший налоговый инспектор Катька употребляла совсем не инспекторскую лексику.

Яшка нахмурился. Спрыгнул с подоконника, прошелся по кухне, попил из чайника, поперхнулся, сплюнул в раковину и завопил:

– Да где она может быть?! Вспоминайте... мать вашу так!

– Мелкобесов, фу! – немедленно отреагировала бабуля.

– Извините, Софья Павловна... Подруги вы или кто?

– Замолчи, чучело, – неуверенно сказала Катька. Факт неуважения к старшему брату был налицо, но Яшка даже не огрызнулся. В кухне снова воцарилась тишина. Дело и впрямь выглядело нешуточным. Заканчивался четвертый день, как исчезла наша с Катькой подруга и сослуживица Ванда Андреева.

Неладным запахло еще в понедельник, когда Ванда не явилась вовремя на работу. В данное время это было просто смерти подобно: вторую неделю на входе дежурила кадриха с толстой книгой для записи опоздавших. Мы с Катькой были изрядно ошарашены, влетев в отдел и увидев пустой стол подруги. Дело было не только в кадрихе: Ванда не опаздывала на службу никогда, точность была одним из ее пунктиков. Кроме того, в понедельник она обычно возвращалась первой электричкой из деревни, где жила ее прабабка. Электричка подходила к Киевскому вокзалу ровно в восемь, так что добраться к девяти на службу не представляло труда. Полчаса прошло в томительном ожидании, потом Катька под села к телефону, и мы убедились, что Ванды нет и дома.

Она вошла в здание инспекции через двадцать минут – спокойно и без приличествующего случаю безумного выражения лица. Кадриха онемела от подобной наглости, фамилия Ванды внеслась в книгу опозданий с особенным удовольствием, было обещано лишение квартальной премии, после чего завкадрами, победоносно раскачивая трикотажным дирижаблем, удалилась. Мы кинулись к Ванде.

Очевидно было, что ночь она не спала. Под глазами темнели круги, цвет лица был изжелта-бледным. Инспектор Андреева даже не была накрашена, а на голове вместо идеального валика красовалось растрепанное гнездо, местами прихваченное шпильками.

- Что случилось? Проспала? Электричка не пришла? С прабабкой что-нибудь?!

Но на наши вопросы Ванда лишь молча покачала головой, отвернулась и включила компьютер.

Через несколько минут нам уже стало не до Ванды. Из главка примчалась Шизофина и со стальным блеском в глазах объявила, что сведения по налоговым льготам должны быть собраны и предоставлены как можно скорее.

- А срок какой, Жозефина Петровна? - робко уточнила Катька.

- Срок - вчера! - отрубил шефиня. - Бросайте все - и марш в архив!

Свет не видел противней работы, чем отчет по налоговым льготам. В отделе сие занятие именовалось «сбором прошлогоднего снега». На практике это означало просидеть полдня в душном архиве среди пыльных папок, перелистывая дела и делая из них выписки. Потом эти сведения вносились в специальные справки, подвергались суммированию, разбивались на колонки «До налогообложения», «После налогообложения», «Возможная сумма налога» и так далее. В итоге в главк отправлялись стройные ряды цифр, обозначающих налоги, которые государство могло, но так и не сумело выбить из стойких коммерсантов. С какой целью производилась эта разделка туш неубитых медведей, не знала, кажется, даже шефиня. Тем не менее всякий раз, когда из главка приходил запрос, Шизофина отменяла все текущие дела, включая срочную проверку квартальных отчетов, и бросала отдел на архив.

- Нашли себе Золушку... - пыхтела Катька, сидя на табуретке перед архивным шкафом и яростно листая пухлую папку. - Составь сведенья, подмети пол, посади сорок розовых кустов, познай самое себя - и можешь, блин, своей текучкой заниматься... А потом начнется: «Почему квартальные валяются? Почему пени не начислены? Всех премии лишу!» Да засунь ты себе эту премию в одно место! У меня Бесы вечером на бильярде больше накачают. Я, между прочим, целый государственный налоговый инспектор, а на работу в зашитых

колготках бегаю! Хоть бы взятки, сволочи, давали, так никто не чешется...

Я не вступала в обсуждение спорного вопроса о взятках. Меня больше волновало отсутствие в архиве Ванды. Ее шкаф находился рядом с моим, но был заперт. Мельком я подумала о том, что надо бы сходить за подругой. Шизофина не выносила, когда ее распоряжения не выполнялись, а в отношении Ванды это приобретало угрожающий характер.

Я, в общем-то, догадывалась, чем подруга раздражает начальницу отдела. Шизофина, немолодая уже тетка, имела за плечами двадцать лет работы в финансовых учреждениях с их бабьими коллективами, мелкими дрызгами, заспинными сплетнями и периодическим вылизыванием задних мест руководству, без чего не мыслилась никакая карьера. К этому прикладывалась несложившаяся личная жизнь, больная мать, малолетняя дочь-шалава и расширенные сосуды. Злой Шизофина не была, но характер имела склочный и могла при случае завернуть непристойное словцо. Ванда же мата не переносила в принципе. Какое-то время наши с Катькой увещевания по поводу того, что с начальством не спорят, оказывали действие, но однажды, на совещании, во время Вандиногo отчета по результатам проверки Шизофина разошлась особенно, и подруга не выдержала:

- Жозефина Петровна, здесь не кабак, выбирайте выражения.

Шизофина онемела. В стенах налоговой инспекции субординация соблюдалась строжайшим образом. Подобные высказывания в адрес руководства не позволяли себе даже старшие работники. А двадцатилетняя нахалка, осмелившаяся читать начальству мораль, как ни в чем не бывало перевернула страницу и в гробовой тишине продолжила чтение акта. Происшествие обсуждалось в кулуарах инспекции добрые две недели, Ванде пророчили увольнение, однако дело как-то обошлось. Поговаривали, что сторону Ванды взял «сам», к которому шефиня носилась жаловаться. Но Шизофина уже вышла на тропу войны, которая затянулась на три года. Ее раздражало все: толстые книги Ванды в ящиках стола (сама Шизофина довольствовалась журналами «Лиза» и «Отдохни»), ее аккуратные костюмы (Шизофина «рассекала» по инспекции в турецкой юбке и трикотажной кофте с блестками), изящные рисунки на ненужных бланках, не менее изящные отказы оформлять инспекторскую стенгазету («Это не входит в мои профессиональные обязанности»), ее неизменная сдержанность и возмутительная независимость. От всего этого Шизофина булькала, как самовар, но не имела возможности даже

лишить умничающую девчонку премии: работала Ванда блестяще. Так что малейший промах со стороны подруги мог иметь необратимые последствия.

Гром грянул перед обедом. Мы поднялись из архива усталые, запыленные, нагруженные папками, и первое, что увидели, – сидящую за столом Ванду. Было ясно, что она не вставала из-за него с утра. На ее лице по-прежнему не было косметики, неубранные волосы падали на лоб. На столе лежал открытый квартальный отчет, в который Ванда смотрела невидящими глазами. Мы переглянулись. Теперь уже не было сомнений – что-то стряслось. Катька вывалила груды папок на свой стол, вздохнула, собираясь с духом перед тем, как подступить к Ванде с расспросами, но в этот миг с грохотом разверзлась дверь. В отдел ворвалась Шизофина.

– Ну че, девки, готовы, что ль, сведенья? Живо все мне на стол, в три уже повезу! Андреева, ты по заводу «Кристалл» сделала справ... Андреева!!! Это че за посиделки?! Че, как барыня, расселась? Работа здесь надоела? Я те мигом устрою увольнение по собственному! Отдыхать вздумала, графиня! Думаешь, хачика с деньгами завела, так тебя тут терпеть будут? Можешь к нему убираться, он те и будет зарплату платить, а здесь...

Ванда резко встала из-за стола. Хлоп! Шизофина захлебнулась на полуслове, а мы даже не сразу поняли, что произошло. В наступившей тишине отчетливо было слышно гудение компьютеров. Ванда вытерла о юбку ладонь, которой вlepила пощечину начальнику отдела, взяла со стола сумочку и вышла за дверь. С минуту отдел проверок напоминал Музей мадам Тюссо. Затем Шизофина взревела дурным голосом и ринулась прочь. Мы помчались следом.

К счастью, шефиня бросилась не к начальнику инспекции, а к себе в кабинет, где и закатила грандиозную истерику. Мы, как цыплята, суетились вокруг с водой, нашатырем и валокордином. В дверь заглядывали любопытствующие из других отделов – через полчаса новость облетела всю инспекцию.

– Сучка... Вот сучка... Я ж ей в матери... – икала Шизофина, судорожно глотая воду. Жирная косметика бежала по лицу ручьями, крашенные кудельки тряслись, и лично мне было ее жаль. Конечно, Шизофина не подарок, но бить морду руководству... «Во Вандка дала... Вот дала...» – стучало в голове. В круглых глазах Катьки, капающей валокордин в стакан, читалась оторопь.

- Все... - толкнув меня локтем, пробормотала она. - Теперь точно вылетит.

Разумеется, в тот день Ванда в инспекции больше не появилась. Не было ее и дома, куда мы с Катькой названивали до двух часов ночи. На следующий день она не пришла на работу. Мы встревожились не на шутку, решили было даже позвонить матери Ванды, но по зрелом размышлении отбросили эту мысль. Ирина Петровна была весьма нервной особой, и известие об исчезновении дочери, пусть даже взрослой и живущей отдельно, могло обеспечить ей сердечный приступ. Еще три дня мы ждали, что Ванда все же явится в инспекцию - хотя бы за расчетом. Но она так и не пришла. Ни в среду, ни в четверг, ни сегодня.

...- Где она вообще может быть? - с умным видом спросил Петька, доставая записную книжку. - Давайте, девки, думайте.

- Да все уже передумали! - заорала Катька. - Нигде ее не может быть! Объявляй в розыск на фиг!

- Куда я ее тебе объявлю? - разозлился Петька. - Она совершеннолетняя! Я ее сегодня в сводку поставлю, а она завтра явится и скажет, что на Канарах загорала! У нас и так висяков полно! Пусть мамаша заявление пишет - если через неделю не явится, будем искать...

Катька схватилась за голову. Я молчала. Все мы, собравшиеся здесь, хорошо знали друг друга. Петька прекрасно понимал, что Ванда - не из тех эксцентричных девиц, которые неделями болтаются по своим делам, не оповещая об этом близких.

- Да ежу понятно, где она, - вдруг зло сказал Яшка. - Или у придурка своего, или у Барса.

В кухне воцарилась неловкая тишина. Мы с Катькой переглянулись: эти варианты уже обсуждались нами и, в общем-то, не были лишены основания.

- Вряд ли, Яшенька, - как можно ласковее сказала Катька. - Мы бы знали.

– Ка-ак же... Доложилась она вам... Курицы. – Яшка бросил недокуренную сигарету в раковину и вышел. Хлопнула дверь.

– Яшка! Яшка! – Катька помчалась за ним.

С лестничной клетки послышалось сестринское напутствие:

– Борщ в холодильнике! Котлеты холодные не ешьте! Посмотри, чтобы Ванька уроки сделал! И не вздумайте там впятером его математику под ответ подгонять! Приду – проверю!

Оставшиеся члены совета сошлись на следующем: горячку пока не пороть, подождать завтрашнего дня, если же Ванда не появится – ехать к ней на квартиру с обыском. Последняя функция возлагалась на нас с Катькой – обладательниц запасных ключей. Петька под нашим давлением пообещал проверить сводки по найденным трупам и обзвонить больницы.

Катька ушла. Бабуля, вздыхая, прикурила сигарету из Петькиной пачки, взяла газету и отправилась в комнату. Мы с Петькой остались вдвоем.

– Осадчий, иди домой. Двенадцатый час.

– А борща? – удивился Петька.

– Иди к своим девкам – они накормят. – Я придала своему голосу всю возможную непреклонность. – У меня не ресторан. И не богадельня.

– Нинон, ну ты что? Я жрать хочу!

– Убирайся, тебе говорят.

Осадчий наконец понял, что я не шучу. С обиженным видом вышел в прихожую, крикнул бабуле: «До свидания, Софья Павловна!», получил в ответ елейное: «Заходи, Петенька!» – и хлопнул дверью. Через минуту из комнаты донеслись бравурные звуки рапсодии Листа. Лист означал, что бабуля не в духе. Я зашла. Бабуля, сжимая в зубах сигарету, ожесточенно барабанила по клавишам пианино. Я открыла форточку:

– Не кури в комнате.

– Почему ты меня воспитываешь?! – возмутилась она, выпуская клуб дыма. – И с какой стати он ушел? Если не ошибаюсь, у нас целая кастрюля...

– Я не ему варила.

– Поразительный эгоизм. Просто железобетон! Ты меня пугаешь, девочка.

– А ты меня! – взорвалась я. – Мы в разводе – забыла? Забыла, сколько я с ним мучилась? А кто дома не ночевал? А кто весной с триппером пришел? А кого я с малолеткой в машине застукала?! Хватит, надоело! И не смей его в гости приглашать!

Бабуля задумалась. Вздохнула, притушила сигарету в пепельнице, опустила крышку рояля и подытожила:

– Кобель, конечно. Но хор-р-рош, мерзавец!

Я ушла на кухню, чтобы спокойно пореветь.

Осадчего моя Софья Павловна обожала еще с тех пор, как он появился в восьмом классе нашей школы. Бабуля тогда вела у нас литературу и русский язык. Проверив очередное Петькино сочинение и выведя под исчерканными красной ручкой каракулями большую пару, она мечтательно говорила: «Полнейшая бездарность... Но как похож на Жюльена Сореля!» Кто такой Жюльен Сорель, я тогда еще не знала, но собранием девического коллектива восьмого «А» было единогласно постановлено: Осадчий – вылитый Ален Делон. В том же восьмом классе Петька взялся меня охмурять, сначала с откровенно корыстными целями: я давала списывать диктанты и, как могла, исправляла ему сочинения. Девчонки шипели, я ходила счастливая и в глубине души удивленная – что он во мне нашел? Дома таращилась в зеркало. Черная коса, нос с горбинкой, глаза – ничего особенного...

Закончив восьмой класс, мы с Катькой подали документы в экономический техникум, который был близко от дома. Петька, дабы не загреметь в армию, подался в Школу милиции. На этом школьный роман мог закончиться сам собой,

но Петькино ухаживание вопреки всем правилам логики продолжалось и росло. Он водил меня в кино, иногда, стиснув зубы, – в театр, сидел у нас до ночи, фамильярно болтая с бабулей, тающей от его наглых светлых глаз. Если было время, он приезжал за мной в техникум, и девчонки дружно говорили: «Ах!» Как только мне исполнилось восемнадцать, воспоследовало предложение руки и сердца. Предложение сопровождалось охапкой тюльпанов с клумбы парка Советов и стихами, стоившими Осадчему, по его словам, трех бессонных ночей. Сей опус гласил:

Дрожит рука, трепещет сердце, желудок прет из живота!

Нинон, люблю тебя безмерно – так будь женой мне навсегда!

«Баратынский!» – растроганно сказала бабуля по прочтении шедевра. Положила листочек на стол и недоуменно воззрилась на меня: «Что, в таких случаях полагается долго думать?»

Я не железобетон. И не статуя Командора, как утверждает бабуля. Я прожила с Осадчим четыре года. Но если мужик шляется по ночам, возвращается пьяный и весь в помаде, а утром, проспавшись, врет напропалую о секретных спецзаданиях, – долго этого не выдержит ни одна статуя.

Ночью мне не спалось. За окном шел снег, я сидела на подоконнике, курила, смотрела на пустую улицу. Думала о Ванде. Куда она могла деться?..

Прозвище «Марсианка» первой использовала бабушка на уроках литературы. «Андреева, о чем мы только что говорили? Андреева, ты слышишь меня?! Нет, это не нормальный ребенок! Это марсианка! Девочки рядом, оживите этот памятник нерукотворный!» – «Я вас слышу, Софья Павловна. Но я не знаю, о чем вы говорили». – «А что я задавала на дом, ты тоже не знаешь?»

Серые, прозрачные глаза Ванды приобретали стальной оттенок. Она вставала, с раздраженным видом выходила к доске, отбарабанивала на одном дыхании стихотворение или характеристику образа Онегина и возвращалась на место, где снова принималась смотреть в окно или рисовать. Последнее Ванде удавалось мастерски, и ее тетради с обратной стороны были украшены портретной галереей учителей. Карикатуры были острыми, порой злыми и всегда похожими. Моя Софья Павловна, имеющая здоровое чувство юмора, хохотала до икоты, обнаружив однажды собственное изображение –

величественную матрону, восседающую с сигаретой в зубах на томе Пушкина. Но отсутствующий вид Ванды на уроках приводил бабулю в растерянность.

«Девочка, ты же прекрасно знаешь предмет! – жалобно говорила она, когда вечером Ванда пила у нас чай. – Но в каких облаках ты витаешь? Создается впечатление, будто ты ничуть меня не уважаешь». – «Я вас уважаю, – серьезно говорила Ванда. – Только вы ко мне, пожалуйста, не приставайте. Я сразу забываю, о чем думала». От такой беспардонной искренности бабуля теряла дар речи. Обретя его вновь, возмущалась: «Нет, это, ей-богу, инопланетянка! Подумать только – ее отвлекают от великих мыслей! Я в ваши годы вообще не думала!» – «Не сомневаюсь, – тонко хамила Ванда. – Можно, я завтра не приду на литературу? У нас репетиция. А „Анчар“ я вам прямо сейчас расскажу».

С детства Ванда занималась танцами в студии Стеллы Суарес – руководителя единственного в Москве профессионального ансамбля фламенко при Испанском культурном центре. Стелла Суарес была фантастической женщиной. Чистокровная испанка, танцовщица, победительница международных конкурсов и обладательница впечатляющей внешности, она приехала в Москву во время перестройки, выйдя замуж за русского дипломата. Возможность стать домохозяйкой она с негодованием отвергла, поступила на курсы русского языка при посольстве и развила бурную деятельность по организации собственного ансамбля. Бьющая ключом энергия и неумный темперамент Стеллы сделали свое дело: затея удалась. Помимо профессионалов, Суарес взялась обучать танцам и мелюзгу, начиная с восьми лет. Совершенно случайно объявление о приеме в студию фламенко попало на глаза матери Ванды.

Ирина Николаевна отправила Ванду в студию без всяких честолюбивых планов – лишь для того, чтобы подрастающая девчонка не болталась по улице. Она никак не ожидала, что дочь вступит на путь профессиональной артистки. В четырнадцать лет Ванда уже свободно говорила по-испански и была ведущей солисткой ансамбля «Эстрелла», а в пятнадцать получила в партнеры Тони – Антонио Моралеса, племянника Стеллы Суарес. Прошлое этого героя-любownika было покрыто мраком тайны. Лично я знала лишь то, что Тони оказался в России в возрасте восемнадцати лет – без профессии, без языка и без планов на будущее. Что заставило его оставить солнечную Андалузию и заявиться к московской тетке – неизвестно. Парня красивее не видел свет, танцевал он великолепно, и Стелла взяла его в ансамбль, дав в партнерши любимую ученицу.

Мы с Катькой не пропускали ни одного концерта подружки. Для нас, живущих обычными девчоночьими заботами – уроки, мальчишки, бои за независимость с родителями, – все это казалось захватывающей сказкой. Жизнь подружки вызывала зависть своей безусловной взрослостью. Если мы с Катькой могли убить целый вечер лишь на то, чтобы определить – стоило мне или не стоило позволять Осадчому поцеловать себя под лестницей, то Ванда уже делила постель с Моралесом. Когда об этом узнала Ирина Николаевна, последовал шквал скандалов и слез. Ванда терпеливо выслушивала все это около недели. Затем без лишних эмоций собрала сумку и ушла к бабке, живущей через две улицы. Бабка уже больше года пребывала в глубоком маразме и посему интимной жизнью внучки не интересовалась. Ирина Николаевна первое время наезжала к дочери с показательными истериками. Однажды мне довелось присутствовать на одном из этих выступлений, включающем в себя и упреки дочери в непристойном поведении, и жалобы на сердце, и угрозы самоубийства. Меня поразила олимпийская реакция Ванды, которая даже не отвлеклась на время сцены от прослушивания новой фонограммы. Когда за Ириной Николаевной захлопнулась дверь, я напустилась на подружку: «Как ты можешь! Это же твоя мама! А вдруг ей правда станет плохо?» Ванда чуть убавила звук, посмотрела на меня серыми спокойными глазами. «Не станет. Я точно знаю. Ты это один раз видела, а я – каждый день. Хорошо отцу – вовремя сбежал... Лучше иди сюда, послушай – я завтра это танцую».

Меня всякий раз поражала та перемена, которая происходила с подружкой на сцене. Гремели гитары, Ванда вылетала в луч прожектора в вихре алых юбок и замирала на авансцене, вскинув тонкие руки. Ее нельзя было узнать – светловолосая, сероглазая, она выглядела в эти минуты едва ли не большей испанкой, чем Стелла Суарес. Лишь после концерта, зайдя на правах подруг в примерную, мы находили там прежнюю Ванду – усталую и счастливую. В заваленной цветами комнатке стоял запах сигарет и духов, на полу сидел Тони – смуглый красавец с медальным профилем, в расстегнутой на груди рубашке. Его пальцы без стеснения путешествовали вверх по ноге Ванды. «Ужасно... Просто кошмар! – встречала нас Ванда. – Сегодня совсем плохо танцевали! Тони, я, кажется, отстала в конце? Не смей врать, отвечай! Отстала или нет?» Тони лениво откладывал сигарету, вставал, целовал ее в обнаженное плечо: «Все хорошо... Bueno. Fantastico». Мы чувствовали себя маленькими и лишними. Потихоньку уходили.

Дуэт Андреева – Моралес стремительно стал известным. Замелькали заголовки в газетах и журналах. Ансамбль «Эстрелла» выезжал на гастроли за границу, и пиком взлета Ванды было выступление на сцене зала Casa Patas в Мадриде.

После этого – снова фестивали, международные конкурсы, аншлаги на концертах... Ванде прочили большое будущее, но через три года все рухнуло – непоправимо и бессмысленно. Ванде было восемнадцать, когда, отдыхая с Тони на Майорке, она ударила ногу о подводный камень. Два пальца были сломаны. О профессиональной сцене можно было забыть.

Бабка Ванды к тому времени уже умерла, и подруга жила одна. Мы с Катькой были при ней весь последующий месяц, и худших дней у меня не было. Ванда не плакала, не жаловалась, не разговаривала, ничего не ела. Лежала на кровати, завернувшись в старый плед. Запрокинув серое лицо, смотрела в потолок. Ирина Николаевна приезжала, пыталась утешать дочь. Та, не открывая глаз, цедила сквозь зубы: «Не смей приходить сюда...»

Ее враждебность была уже неприкрытой, Ирина Николаевна рыдала на кухне. Мы с Катькой растерянно смотрели друг на друга – было бесполезно соваться к Ванде. Она немного приходила в себя, лишь когда появлялся Тони. Он проходил в комнату, брал Ванду на колени, гладил по волосам, что-то шептал. Ванда судорожно утыкалась в его плечо. Смуглое лицо красавца застывало. Взглядом он указывал нам с Катькой на дверь. «Отрава, а не мужик... – бурчала Катька, сердито гремя на кухне сковородками. – Небось уже соображает, что дальше делать будет. Я его насквозь вижу!»

Катька не ошиблась. Однажды вечером (прошло уже около месяца) я позвонила Ванде. Телефонную трубку никто не брал. Это показалось мне странным: мы договаривались встретиться. Обеспокоившись, я помчалась к ней. Дверь была заперта. Отчаявшись звонить, я полезла за своим ключом.

Ванда лежала на диване с закрытыми глазами.

– Вандка, что с тобой?

Молчание. Я бросилась на кухню. В раковине валялся пустой стакан, в мусорном ведре – разорванные упаковки из-под таблеток.

К счастью, я успела вовремя. До сих пор не понимаю, как у меня хватило сил выволочь подругу в ванную, разжать ей зубы, вызвать рвоту и засунуть Ванду под горячий душ. Приехавшей через полтора часа «Скорой» было уже нечего делать. Ванда лежала, с головой укрывшись пледом и беззвучно содрогаясь.

Лишь под утро я смогла вытрясти из нее объяснения. Моралес, которому надо было продолжать сценическую карьеру, взял себе новую партнершу.

Тони приехал на другой день. Ванда была уже спокойна, бледна, почти равнодушна. Она говорила с ним в закрытой комнате ровно десять минут. Мы с Катькой, держа в карманах фиги, сидели на кухне и тревожно переглядывались. Вскоре дверь открылась, они вышли. У Тони было виноватое лицо, он что-то объяснял, прижимая руку к груди, и норовил вернуть Ванду обратно в комнату. Та уклонилась. Несколько тихих слов, сухой поцелуй, «ступай» – и дверь закрылась. Ванда, кутаясь в пуховой платок (стояла тридцатиградусная жара), вошла на кухню, посмотрела на нас пустыми глазами.

– Ну ладно. Зато я умею рисовать.

Катька, услышав эту фразу, проявила чудеса сообразительности. Она немедленно пристала к Ванде с просьбой разрисовать стенку в своей квартире. Стоял июль, Катькины родители были на даче. Пятеро братьев Мелкобесовых, известных во дворе и на близлежащей барахолке под прозвищем Бесов, решили в их отсутствие заняться ремонтом. Катька не стала мешать («Чем бы дитё не тешилось, лишь бы не стреляло»), и неделю квартира напоминала еврейский дом после налета черносотенцев. Братья Мелкобесовы, раздевшись до пояса и по-пиратски повязав головы Катькиными платками, орудовали мастерками, стамесками и валиками для краски. Когда дело уже шло к завершению, выяснилось, что на одну из стен в комнате матери не хватило обоев. Бесы приуныли: характер у тети Маши был крутой, санкции на ремонт она не давала, и последствия могли быть самыми тяжелыми. На всякий случай братья побелили злополучную стену, из принципа «семь бед – один ответ» нарисовали на ней черта в непристойной позе и сели ждать неминуемых репрессий.

Катькина идея оказалась как нельзя кстати: Ванду надо было чем-то отвлечь. Та согласилась, не споря, и на следующее утро ее вместе с красками, кистями и растворителем доставили в квартиру Мелкобесовых.

Ванда управилась за четыре дня. Похабный черт был ликвидирован, и на побеленной стене засверкало море и зазеленели тропические деревья. Волны накатывали на пеструю гальку. У берега покачивалась каравелла со спущенными парусами. На белом песке пятеро пиратов с легко узнаваемыми физиономиями праздновали победу. К пальме была привязана белокурая пленница, в которой угадывалась сама Ванда. У огня на барабане отплясывала

смуглая туземка с гривой черных волос – я. В дымящемся котле двигала поварешкой бандерша-Катька с пистолетами за поясом. А у дальнего берега, на мелководье, прогуливалась немолодая чета. Ванда окружила их трогательным розовым туманом, но нельзя было не узнать гренадерские формы тети Маши и сутулый силуэт Мелкобесова-старшего.

Родители вернулись в положенный срок. Увидев в своей спальне остров Сокровищ, тетя Маша с трудом удержалась на ногах, и в квартире забушевал десятибалльный шторм. Удар приняла на себя Катька, а братья в это время благоразумно отсиживались по соседству – у меня. Но вскоре буря утихла, в тете Маше проснулось эстетическое чувство, а когда начался процесс узнавания, громогласный хохот потряс всю лестничную клетку. Бесы дружно вздохнули, переглянулись и пошли домой.

Впоследствии Катька причитала: «И чем я только думала! Ведь животом чувствовала – добром не кончится! Все с этого ремонта чертова началось!»

Конечно, Катька была не виновата, но факт есть факт: именно в те дни Яшка Мелкобесов, хулиган, бабник, ночной кошмар участкового и гроза местной барахолки, потерял голову. За четыре дня, что Ванда работала в квартире, он не отходил от нее ни на шаг. Давал советы, менял воду, переносил стремянку, хвастался, врал и ухаживал. При этом они были знакомы с детства, и отчего Яшка так внезапно воспылал – не догадывался никто. Ремонт закончился, Ванда вернулась домой, но Бес не собирался сдавать позиции и повел стремительное наступление по всем фронтам. Ежевечерне он встречал Ванду у автобусной остановки и провожал до дому. Розы сменялись гладиолусами, гладиолусы – астрами (дело шло к осени). Если Ванде требовалось куда-нибудь поехать, достаточно было снять трубку телефона – к ее услугам были Яшка и «букашка» – джип семейства Мелкобесовых. Дворовые пацаны стали обращаться к Ванде на «вы». Старушки на лавочках ахали и всплескивали ладошками от романтичности ситуации. Тетя Маша предавалась сладостным мечтам о перебесившемся старшем сыне и планировала количество внуков. Ванда сперва пыталась держать нейтралитет, но, когда мелкобесовская страсть приобрела угрожающие размеры, начала выстраивать оборону.

Вначале у нее был разговор с самим Яшкой, который, разумеется, ничего не дал. Затем Ванда попыталась упросить Катьку: «Объясни ему, бога ради. Ни к чему это все...» Катька отказалась, мотивируя отказ сильным желанием жить. В конце концов неприятная миссия легла на меня. Вечером я на правах старого друга

завала Яшку на борщ и осторожно объяснила, что ему не светит. Яшка молча выслушал меня. Мрачно сказал: «В адвокаты к ней нанялась? Сам разберусь», хлопнул дверью и ушел. Я закатила Ванде скандал по телефону, посоветовала самой разговаривать со своими мужиками и, злущая от сознания собственной дурости, легла спать.

На другой день Яшка встретил меня у остановки и извинился в своей обычной манере.

- Мать, я вчера это... не очень... Но ты ж ничего, правда?

- Ничего. Зайдешь?

- Не, время - деньги. - Он, насупившись, отвернулся. - Скажи ей - больше вязнуть не буду.

Не знаю, что помогло больше - творческая работа в мелкобесовской квартире или Яшкины чувства, - но Ванда пришла в себя. Мы с Катькой окончательно убедились в этом, когда она подала документы в финансовый техникум около дома. У Ванды был отличный аттестат, и ее приняли без экзаменов. Бабушка, узнав об этом, едва не лишилась чувств и страстно убеждала подругу оставить эту затею:

- Девочка, что ты делаешь? Девочка, подумай! Какие финансы, тебе нужно в Суриковку! Ты зароешь в землю свой талант!

- Какой талант, Софья Павловна? - устало улыбалась Ванда. - Краски? Ерунда это все. Мне жить на что-то надо.

- Марсианка, черт возьми... - сокрушалась бабушка после ее ухода. - Она же цены своей не знает! Ну, не вышло с танцами, ну ничего - переживет, молодая еще. Но зачем же в бухгалтерию кидаться? Что она в ней понимает? Хоть бы мать ей посоветовала глупостей не делать!

Мы молчали. Мать могла подействовать на Ванду еще меньше, чем мы. Впрочем, Ирина Николаевна была единственной, кого устроило решение Ванды: «Хоть делом наконец-то займется».

В техникуме Ванда училась так же блестяще, как и в школе. Уму непостижимо, почему ей легко и просто давалось все, за что бы она ни бралась! За два года учебы она была первой в группе и по бухучету, и по экономике, и по финансам. При этом лекции наспех прочитывались утром в автобусе, а к зачету Ванда начинала готовиться за пять минут до его начала. Было очевидно, что все это ее ничуть не интересует. Закончив техникум с красным дипломом, она получила распределение в налоговую инспекцию. Мы с Катькой, уже работавшие там, немедленно подсуетились, и Ванда оказалась в нашем отделе.

Отношения Ванды с Тони Моралесом не закончились. Я узнала об этом случайно, ворвавшись однажды к подруге без звонка и наткнувшись на выходящего из ванной Тони с полотенцем на бедрах. Я поспешно ретировалась, а на другой день по-дурацки полезла к Ванде с расспросами:

– Как же так?! Ты же говорила – он с той спит!

– Конечно, спит.

– И ты... И ты?!

– Не кричи. – Я увидела знакомую горькую улыбку, которая старила Ванду на несколько лет. – Пойми, он же с ней танцует. Нельзя не спать с партнершей, иначе это не фламенко, а кастрат.

– Но как же...

– Вот так. И знаешь... Все-таки это мои дела.

Намек был понят – больше я к ней не совалась.

Уход со сцены и история с таблетками, конечно, не прошли даром. Ванда, и до этого не слишком разговорчивая, теперь замкнулась окончательно. Она не отказывалась принимать у себя нашу компанию, по вечерам в ее квартире плясали, пили вино, слушали музыку – дым стоял коромыслом. Иногда братья Мелкобесовы просили Ванду станцевать, но подруга всегда отказывалась. Часто она не произносила ни слова за целый вечер. Сидела с ногами на диване, вязала очередной свитер или шарф – и молчала. Молчание не было демонстративным –

если к Ванде обращались, она отвечала, улыбалась на шутки, но взгляд ее был отсутствующим. Мы не приставали. Наверное, просто не знали, чем помочь.

Иногда подруга исчезала по вечерам, прихватив сумку с костюмом для танцев. Быть солисткой она больше не могла, но Стелла Суарес иногда выпускала Ванду в массовке. Нас с Катькой на эти редкие выступления подруга больше не приглашала. А мы не напрашивались, понимая, как тяжело для нее после сольной карьеры оказаться в машущей разноцветными юбками «стенке». Так прошло несколько лет. А потом появился Барс.

Прошлой осенью наш отдел получил направление на проверку фирмы «Джорджия». Фирма владела сетью бензоколонок и магазинов, оперировала миллионными оборотами и имела аса-бухгалтершу, разбирающуюся в налогообложении лучше, чем вся инспекция, вместе взятая. Генеральным директором «Джорджии» был Георгий Барсадзе по кличке Барс – известный всей Москве вор в законе.

Проверка была чисто формальной – отправляясь в «Джорджию», мы прекрасно знали, что ничего не найдем. Это понимала даже Шизофина, деловито напутствовавшая нас: «Девки, особо не ковыряйте. Пару тыщ нароете на валютных операциях – и слава богу. Ну его, бандита, к хренам собачьим».

Проверка шла около недели, и за все это время мы видели Барсадзе лишь однажды. Он зачем-то зашел в кабинет бухгалтерши, где мы копались в горах справок, счетов и банковских выписок. У Катьки, сидящей рядом со мной, выпал из рук калькулятор, и, вместо того чтобы поздороваться, она громко и испуганно сказала:

– Господи, ну вот!

Барсадзе чуть усмехнулся. Он был огромного роста, его массивная фигура загородила все окно, и в комнате сразу потемнело. На вид ему было около сорока.

– Добрый день, Георгий Зурабович, – пропищала я.

– Здравствуйте, уважаемые, – вежливо ответил Барс. Его глаза остановились на Ванде. Та не замечала этого, с головой погрузившись в распечатки курса

доллара. Прошла минута, другая. Барсадзе не отводил взгляда. Бухгалтерша нервно запрыгала на стуле. Мы с Катькой одновременно ткнули Ванду под ребра.

– В чем дело? – недовольно спросила она. Подняла голову. Некоторое время они с Барсадзе изучали друг друга. Затем Ванда отвернулась и негромко попросила меня передать ей пачку накладных. Барс молча вышел из комнаты.

Спустя несколько дней после проверки в инспекцию явилась бухгалтерша «Джорджии» с квартальным отчетом и билетами на концерт группы «Лесоповал» в районном кинотеатре. Билеты были недорогими и расцениваться как взятка, тем более после окончания проверки, не могли. Мы решили сходить.

В темном вестибюле кинотеатра «Аврора» собрался весь бомонд. Бритоголовый цвет района в кожаных куртках облепил стойку бара, у раздевалки велись деловые переговоры на высочайшем уровне:

– Братан из Солнцева людьми поможет. А с теми «мерсами» что – замотать решил?

– Толян, воли не видать – к весне подгоним! Вы ж меня знаете, без понтов!

– Ты смотри у меня, сука, за базар ответишь...

Пятеро братьев Мелкобесовых, подойдя, поприветствовали нас и составили эскорт. Мы двинулись по фойе. Половина присутствующих являлась клиентами нашей инспекции – то и дело с нами кто-то здоровался и «галантерейным» голосом осведомлялся о здоровье дорогих инспекторов и состоянии лицевых счетов фирмы. Навстречу Ванде со ступенек лестницы поднялись шестеро небритых азербайджанцев с разбойничьими физиономиями и хором гаркнули:

– Здравствуйте, Ванда Станиславовна!

– Здравствуйте, Агаджанов. Добрый вечер, Мамедов. – Ванда мужественно сохраняла присутствие духа. Катька шепотом ужасалась:

– Батюшки, мы куда пришли-то? Одни бандиты! Вон мое ООО «Казань» сидит живое-здоровое – а говорили, что застрелили... А вон там... Ох, черт, – ну, все, допрыгались. Нинка, глянь, кто стоит!

Я обернулась. От стойки бара за нами наблюдал Георгий Барсадзе. Бесы, заметив его, обменялись несколькими тревожными фразами, умолкли. Ванда посмотрела на Барсадзе в упор. Он поклонился. Медленно отвернулся, заговорил с кем-то. Я испытала страшное облегчение.

Увы, радоваться было рано. После концерта, когда мы, выкатившись из кинотеатра, пытались ввосьмером запихаться в «букашку», у края тротуара затормозила серая «БМВ». Барсадзе вышел на тротуар. Он был один.

– Ванда Станиславовна, – в его низком, тяжелом голосе слышался чуть заметный акцент, – прошу вас.

Он открыл дверцу. Мы застыли. Рядом со мной весь напрягся Яшка. И тут случилось страшное: Ванда подошла к «БМВ» и села на переднее сиденье. Барсадзе вернулся за руль, и машина рванула с места.

Я до сих пор не понимаю, зачем Ванде понадобилось это. Она не была влюблена; более того, связавшись с Барсом, даже не подумала прекратить отношения с Тони. Мы, понимая всю опасность подобного знакомства, сделали все, что могли. На этот раз не помогли никакие просьбы Ванды не лезть в ее дела. Осадчий насильно привез ее на Петровку и показал объемистое дело Барса. Самыми невинными подвигами последнего были сбыт наркотиков и валютные махинации; среди тяжелых числились продажа оружия на территории Северного Кавказа и недоказанные убийства. Если все это и произвело впечатление на Ванду, то виду она не подала.

– Петька, отстань. Вы докажете сначала, орлы-сыщики.

Эти слова подействовали на Осадчего как красная тряпка на быка: с четверть часа он объяснял нам невозможность подобных доказательств, пользуясь исключительно ненормативной лексикой. По его словам, посадить Барсадзе было нельзя в принципе.

«А раз так – не приставай».

Катька пошла другим путем и неведомыми инспекторскими путями добыла ксерокопию паспорта Барса, в котором числились жена и шестеро детей. Ванда, изучив снимок, взялась за виски:

- Господи, Катька, угомонись. Я это все знаю. Они живут в Тбилиси.

- Так какого ж ты хрена?! - вознегодовала Катька.

- Отстань от меня, ради бога.

Продолжать борьбу было бессмысленно.

Жизнь продолжалась. Ванда работала, иногда выезжала на концерты с «Эстреллой», ездила к Тони, встречалась с Барсом, вечерами рисовала или принимала у себя гостей. По выходным пропадала в деревне у прабабки. И никогда ничего не рассказывала. Мы привыкли не расспрашивать ее, и даже отношения подруги с Барсадзе уже не пугали нас так, как вначале. Мало ли баб встречается с женатыми мужиками - дело житейское. Но четыре дня назад Ванда пропала - и мы понятия не имели, где ее искать.

Веки тяжелеют. Я сползаю с подоконника на пол, кое-как тушу сигарету и неверными шагами бреду к постели. Завтра суббота, завтра поедем к Ванде домой, проведем разведку на местности. Может быть, она появится сама. Может, она у Барса... Может, у Тони... Завтра, все завтра.

Утром меня разбудил телефонный звонок. Я с закрытыми глазами дотянулась до трубки и хмуро поинтересовалась наличием у Катьки мозгов и совести:

- Полдевятого - с ума сошла? Суббота же...

- Яшке рассказывай! - отрубил Катька. - Ни днем ни ночью житья нету! Одевайся, мы через полчаса спускаемся.

За полчаса я успела умыться, выпить чаю, влезть в старые джинсы и свитер и досматривала перед телевизором сериал, когда на пороге вдруг нарисовался

Осадчий.

- Уже встала? - он сразу пошел на кухню. - Жрать хочу, как три медведя.

- Здраваться надо, - холодно сказала я. - Тебе чего?

- Мне Яшка с утра звонил. Хочет, чтоб я с вами поехал. Да, посмотрел я сводки - нет там ничего. Не убита, не ранена и не в КПЗ красотка наша.

Порадоваться этому сообщению я не успела: за окном раздался пронзительный автомобильный гудок. На то, чтобы ругаться с Петькой, уже не было времени. Я проигнорировала факт похищения им из сковородки холодной котлеты, накинула дубленку и вышла. Петька, дожевывая на ходу, выскочил следом.

Внизу нас ждала «букашка». Через переднее стекло была видна заспанная физиономия Катьки. Яшка курил снаружи. Мы загрузились в джип, и «букашка» поползла по темному двору.

- В семь часов разбудил, паразит! - брюзжала Катька, тыча в брата пакетом с пирогами. - Погнал на кухню жрать готовить, а сам обратно спать завалился! Потом полчаса растолкать не могла! Не родной брат, а каторга бессрочная!

- Плюнь на них и замуж выходи, - посоветовал Осадчий, плотоядно взирая на Катькин пакет. - Дай-ка мне вот этот пирог, и этот, и этот...

- А за кого выходить? - грустно говорит Катька. - За засранца вроде тебя? Сейчас их пятеро ложками стучат, а будет шестеро - спасибо огромное.

Петька обиделся и четвертый пирог есть не стал. В молчании мы подкатили к Северной улице, на которой жила Ванда, вошли в дом, поднялись на третий этаж. На лестничной клетке я на всякий случай позвонила, но квартира безмолвствовала, и Катька полезла за ключом.

Ванда не выносила беспорядка в квартире. Комнаты были маленькими, прихожая - тесной и темной, но чистота всегда стояла идеальная. Ванда не терпела даже брошенной на кресло одежды или оставленных на столе книг. О раскрытых дверцах шкафов и речи быть не могло. Поэтому, едва войдя, я

обратила внимание на распахнутый гардероб и сброшенные с полки прямо на пол и диван книги. На ковре был разбит горшок с геранью, ее алые лепестки засохли и скукожились. Сгрудившись у порога, мы растерянно смотрели на это безобразие.

– Украли-и-и! – вдруг заревела Катька. – Увезли-и! А все этот бандит, грузинская морда, говорила я!..

– Катрин, думай головой, – с досадой перебил ее Осадчий. – Если бы украли, хату бы не громили.

– А воры?! Квартиру обчистили, Вандку – дрыном по голове...

Яшка тихо матернулся и метнулся в ванную. Очевидно, он рассчитывал обнаружить там бездыханное тело Ванды, но через минуту уже вернулся и помотал головой:

– Никого.

– Девки, раздевайтесь, – деловито распорядился Осадчий. – Смотрите – что пропало.

Мы сбросили дубленки и приступили к исполнению.

Предположение Катьки о домушниках отпало сразу: Вандины золотые безделушки лежали нетронутые в хрустальной вазочке на столе. На месте были и телевизор, и магнитофон, и шикарная норковая шуба неизвестного нам происхождения. Шубу Катька, невзирая на серьезность момента, тут же напялила на себя.

– Барсадзе подарил, точно, – с завистью вздохнула она, крутясь перед зеркалом. – За такую шубу и я бы кому угодно дала...

– Катька!

– Ну что?! От моих паршивцев разве допросишься чего?.. – Катька скинула шубу, для которой была явно толстовата, и сердито нырнула в ящик с бельем. – И хоть

бы похвасталась, чертова кукла! Я бы в такой каждый день на службу ходила – Шизофине назло... И пусть бы думали, что взятки беру!

Я сидела на пятках перед платяным шкафом и старалась оправиться от изумления. В выдвинутом ящике лежала груда разноцветных детских варежек. Я сосчитала их – восемь пар и одна незаконченная, из которой торчали спицы. Пестренькие, с вывязанными цветами и ягодками детские варежки.

– Ой, какая прелесть! – запищала Катька за моей спиной. – Откуда, а?

– Понятия не имею.

– Может, она залетела? – напряженно предположила Катька. – И приданое готовит?

– Да они же большие. – Варежки действительно были рассчитаны на семи-восьмилетнего ребенка. На всякий случай я покопалась в ящиках на предмет обнаружения пеленок-распашонок, но ничего не нашла. Все вещи были на местах – кроме серого брючного костюма, в котором мы видели подругу в последний раз. И все же в комнате был бардак. С недовязанной варежкой в руках я отошла от шкафа и села на заваленный книгами диван. Подняла глаза на полку.

Старинный книжный шкаф с облупившейся позолотой достался Ванде от бабки. Книги стояли на широких полках в два ряда, и весь первый ряд был вынут и небрежно рассыпан по дивану. Я принялась рассматривать корешки и удивлялась все больше и больше. «Новгородская живопись», «Икона Владимиро-Суздальского княжества», «Иконостас Троице-Сергиевой лавры», «Иконопись Древней Руси»... Неужели Ванду интересовало что-то, помимо фламенко?

Под одной из книг обнаружилась увесистая папка с рисунками. К моему разочарованию, в ней не было ни портретов, ни акварельных зарисовок. Внутри лежали лишь карандашные наброски икон – некоторые почти законченные, с тушевкой и прорисованными складками одежды, некоторые едва намеченные. На одной были обозначены лишь глаза – большие и скорбные. Перебрав еще раз рисунки, я заметила, что ни на одном из них нет мужского образа – только Богородица. Не зная, что подумать, я захлопнула папку. С кучи бумаг, подхваченный сквозняком, скатился белый бумажный шарик.

Мы с Катькой кинулись на скомканную бумажку, как два коршуна. Я торопливо распрямила листочек. На нем ровным мелким почерком Ванды было набросано несколько слов. Вернее, не слов, а обрывков, на которые мы тупо таращились несколько минут. Затем взглянули друг на дружку и одновременно пожали плечами. Записка гласила: «Георгий! ново-с. м. от. фот.?!! зачем». Далее – совсем уж неразборчиво.

Об этой привычке Ванды мы знали хорошо. И не удивлялись, когда, к примеру, находили прилепленную на рабочий компьютер записку: «К! Прих. ар-т, 4 кв. не гот. зв. вовка пара по физ». В переводе на нормальный русский язык это означало: «Катька! Приходили из фирмы „Арарат“, отчет за четвертый квартал еще не готов. Звонил Вовка, у него опять двойка по физике». Если подруга уезжала на проверку, в записке указывалось: «4 без конт». Следовательно, проверка будет длиться четыре дня, и при этом можно не опасаться контрольных звонков руководства. Нашпиленное на дверь Вандиной квартиры «ЦДРИ, до 23» значило, что очередной концерт фламенко будет проходить в Центральном доме работников искусств и до одиннадцати вечера подруги дома не будет. Немногословие Ванды распространялось и на ее послания – редкие слова она дописывала до конца, искренне полагая, что все понятно и так, а иногда даже не трудилась ставить заглавные буквы в именах собственных. Натренировавшись за долгие годы дружбы, мы с Катькой обычно расшифровывали Вандины творения без труда. Но на этот раз записка повергла нас в недоумение.

– Эй, мужики! Давайте сюда!

Из кухни появились Осадчий и Яшка.

– Чего?

– Гляньте, что нашли. – Катька бросила на стол бумажку, и ребята с глубокомысленным видом склонились над ней.

– Георгий – это Барс, – мрачно сказал Яшка.

– «Ново-с»... «М»... Новоспасский мост, – бормотал Осадчий. – Что ей там делать, там дорогу уже полгода чинят...

– Может, не мост, а метро? – предположил Яшка.

– Нет такого метро! Постой... Метро... «Новослободская», может?

– А «от. фот.» что такое?

– «Фот» – это фотографии, скорее всего, – думал вслух Осадчий. – «Отдать фотографии»... «Отнести фотографии»... Кому? Куда? Катрин!

– А что «Катрин»? Я откуда знаю? Что она нам – докладывалась? Ей по доллару за слово плати – ничего не скажет!

Я не вмешивалась в разговор, уставившись на разгромленные книжные полки. Предположим, Ванде потребовался очередной том. Но зачем же сбрасывать весь первый ряд? Даже если очень торопишься – можно снять две-три книги, на худой конец десяток... Но все?.. И вдруг я вспомнила.

– Мужики! Катька! Деньги... Она за книгами прятала деньги! Катька, помнишь? В конверте! Посмотрите быстрее!

Яшка одним прыжком оказался возле шкафа и, богатырски размахнувшись, смел с полки оставшиеся книги. Пыльные тома посыпались на диван и пол, Катька расчихалась, я упала на колени рядом с грузом фолиантов и начала торопливо перебирать их. Голубой конверт нашелся сразу же, но он был пуст. В спешке я не обратила внимания на выскользнувший из-под рук пакетик с белым порошком, и вместо меня его поднял Осадчий.

– Выбрось, – не глядя сказала я. – Это от моли.

– Нет, не от моли. – Голос Петьки заставил меня поднять голову от книг. – Бес... Поди сюда.

Наступила тишина. Нахмурившись, Осадчий высыпал на ладонь немного порошка, понюхал, лизнул. Яшка напряженно наблюдал за ним. Они переглянулись. Осадчий кивнул.

– Ребята, что это? – шепотом спросила Катька.

- Героин, - коротко ответил Осадчий.

Мы испуганно переглянулись.

- Я его заберу. - Петька высыпал порошок обратно в пакетик. - Такой вещдок - не шутка, если узнаем, у кого брала, - можем целую контору накрыть.

Яшка вдруг шагнул к нему, и, прежде чем мы успели что-то сообразить, содержимое пакетика уже летело в открытую форточку.

- Вольтанулся?! - опомнившись, заорал Осадчий. - Что делаешь, лапоть?! Это ж доказательства...

- Хрен тебе, а не доказательства. - Сие пояснение сопровождалось внушительным мелкобесовским кукишем. - Ты ее в эти дела не впутывай.

- Я впутываю? Я?! - вскипел Петька. - Да она сама в них влезла! Что я ее - сажать, что ли, собираюсь? Я разобраться хочу! Я...

- С Барсом лучше разберитесь. - Яшка сел на диван, уставился в пол. - Всей Петровкой сколько лет посадить не можете. А ее это не касается.

- Тьфу, придурок... - сплюнул Осадчий. Сощурившись, взглянул на нас. - Она что - ширялась?

- Нет! Никогда! Точно! - спохватившись, хором заверещали мы с Катькой. - Мы точно знаем! Мы бы видели!

- Продавала, значит?

Второй вариант был еще нелепее первого. Мы, как могли, попытались убедить в этом Петьку, но по его недоверчивой физиономии я видела - не выходит.

- Черт знает что, - подытожил он, садясь на подоконник. - Значит, что мы имеем?

Все, что мы имели, уже лежало на столе. Пакетик из-под героина, бумажка с обрывками слов и пустой конверт для денег. Поколебавшись, я добавила к этому недовязанную детскую варежку. Петька с подоконника недовольно разглядывал коллекцию.

- Значит, забрала все деньги и куда-то смылась. Без вещей. И где концы искать?

- У Барсадзе, - сразу предположила Катька. - Записку-то ему писала! Не дописала, решила лично на словах сказать!

- Или у Тони, - добавила я.

- Круто! - ухмыльнулся Осадчий. - Не много ли у нашей девочки мальчиков?

- Заткнись, - буркнул Яшка. Встал, прошелся по комнате, покосился на скомканный листочек бумаги на столе и повернулся к нам: - Ищите эту испанку, Суарес. Она наверняка знает.

Вечером мы с Катькой тряслись в троллейбусе, ползущем по Таганке. Настроение было премерзкое. Телефона Стеллы Суарес мы так и не нашли и решили отправиться в Дом культуры, где проходили репетиции ансамбля «Эстрелла». Катька, висая на скользком поручне, сокрушалась по поводу пропавшего для стирки дня и планировала завтрашнее меню, между делом привычно поругивая балбесов-братцев. Я молчала. Из головы не выходил пакетик с белым порошком. Одно дело - отстаивать подругу перед бывшим мужем и клясться в том, что она в жизни не прикасалась к героину. Но совсем другое - прикидывать, как все было на самом деле. То, что Ванда не говорила об этом нам, ничего не значило. А про то, сколько артистов, лишившись возможности выходить на сцену, хватается за водку или наркотики, - известно всем. Может быть, и Ванда таким же способом избавлялась от депрессии?..

- Точно знаю - у Барсадзе она, - вдруг пробубнила Катька. - Наверняка любовь-морковь, петрушатся у него в Солнцева, а мы тут с ума сходим. Сейчас еще и Стеллу Эрнандовну до смерти напугаем.

- У Барсадзе телефон есть, - возразила я. - Вандка бы звякнула. Не маленькая, должна понимать, что мы тут с ума сходим.

– Может, он ей и звякнуть не дает! Забыла, кто он? Говорила я ей – не вяжись с бандитом, застрелит когда-нибудь и не больно расстроится! Небось придушил и в Москву-реку сбросил, холера черномордая...

В Доме культуры дрожал весь второй этаж – репетиция фламенко была в разгаре. Пройдя по пустой темной галерее, мы подошли к дверям зала, из-за которых гремела гитарная музыка, и просунули носы в щель.

Огромный зал изначально предназначался для балетных занятий. Одна стена была сплошь зеркальной, и из-за этого мне показалось, что внутри находится не меньше пятидесяти танцовщиц. При беглом пересчете их оказалось двенадцать – молодых, тоненьких, в развевающихся юбках, от расцветок которых у меня зарябило в глазах. Все двенадцать яростно дробили каблуками пол, били в ладоши и запрокидывали головы под гортанное «Оле!». Стелла Суарес с сигаретой в зубах ходила вдоль стены и резкими хлопками отбивала ритм. У окна стоял высокий парень, со спины показавшийся мне похожим на Тони. Но он обернулся на скрип двери, и я увидела незнакомое лицо.

Стелла развернулась к нам всем корпусом.

– В чем дело? – Голос ее был таким же резким, как движения, с заметным акцентом. – Идет репетиция!

– Стелла Эрнандовна, мы к вам... – проблеяла Катька. – Нам поговорить...

– Прием в студию окончен. Освободите зал!

– Извините, мы по делу, – вмешалась я, придав голосу тот металл, который обычно использовался при беседах со злостными неплательщиками. – Это касается Ванды Андреевой, она у вас работала. Мы ее подруги.

– Подруги? – густые брови Суарес насмешливо приподнялись. – А... Налоговая полиция?

– Инспекция, – кротко поправила Катька. – Понимаете, Ванда пропала... Уже неделя как нигде нету... Вы не знаете, где она?

Смуглое лицо Стеллы застыло. Она молча побарабанила пальцами по дверному косяку. Мельком я увидела удивленные рожицы танцовщиц, повернувшихся к нам.

– Хорошо. Через двадцать минут мы закончим. Подождите.

Нетерпеливым жестом Суарес указала на узенькую банкетку у стены и, сразу забыв о нас, зашагала к стайке танцовщиц.

– Никуда не годится! Что с вами сегодня? Замерзли, что ли? Все сначала! За мной пошли все вместе! Роман – работаешь со мной!

Не дожидаясь музыки, она вскинула руки над головой и пошла вперед, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Ей было не меньше сорока, но с первых же шагов ее танца я поняла – этим юным кукушкам можно отдыхать. Прямая спина, длинная шея, тонкие черные брови над опущенными глазами, четкие, отточенные движения делали Стеллу Суарес красавицей. Резкий взмах рук, поворот, изгиб стройного тела – и бешеная дробь каблуков.

– Оле! Пальмас! – Все двенадцать пошли за ней, как стадо молодых кобылиц. Половина огромного зала утонула в метели из красных, желтых, зеленых юбок. Высокий парень, стоявший у стены, вдруг шагнул к Стелле и, взмахнув руками, так припечатал каблуком паркет, что звук отразился от потолка. Та раскружилась волчком, пронеслась мимо, чудом не задев его лица, и дальше они танцевали вместе.

Я следила за Суарес с восхищением и легкой завистью. Было очевидно, что танец доставляет ей огромное наслаждение – несмотря на то, что она наверняка проделывала это изо дня в день почти всю жизнь. Ее лицо горело, черные глаза светились таким дикарским огнем, что делалось жутко. И как она смотрела на этого парня, который годился ей в сыновья! Как он следил за ее взглядом, предупреждал каждое движение, каждый едва заметный поворот головы! Кармен, бешеная, сумасшедшая. Которой не сорок, а семнадцать лет.

Танец окончился так же внезапно, как и начался. Стелла остановилась, и сразу замерли остальные.

– Молодец, уже лучше, – было небрежно брошено заулыбавшемуся парню. – Наташа!

Тоненькая хрупкая девочка торопливо подошла к ней.

– Следила? Смотрела? Давайте дальше сами. И не бойся каблуков. Больше силы, удар – сильнее! Работай фанданго! Пошли!

Вскоре репетиция закончилась. Девушки, смеясь и толкаясь, побежали переодеваться – мне в нос ударил крепкий запах духов и пота. Парень задержался: Стелла что-то яростно втолковывала ему, размахивая зажженной сигаретой перед самым его носом и стуча кулаком по стене. Он покорно слушал, кивал и наконец царственным жестом был отпущен с миром. Зал опустел. Гремя ведром, вошла уборщица.

– Баба Люба, я задержусь, – сурово сказала Стелла. – Не закрывайте пока.

– Как скажете, Стеллочка. – Казалось, бабка вот-вот отдаст честь, вытянувшись со шваброй во фрунт.

– Идемте.

Когда из тесной, плохо освещенной артистической выбежала последняя танцовщица, нам было указано на хлипкие стулья.

– Кофе? – предложила Суарес не терпящим возражений тоном. На столе появилась банка «Эспрессо», сахар, кипятильник, вазочка с печеньем. Стелла снова закурила и, выпустив в открытую форточку мощную струю дыма, повернулась к нам: – Так я вас слушаю.

Мы переглянулись. По лицу Катьки было отчетливо видно, что держать речь она не в состоянии.

– Ванда пропала, – осторожно сказала я. – Мы ищем ее. Вы что-нибудь знаете, Стелла Эрнандовна?

– Как пропала? – В ее голосе слышалась досада. – Куда? Вы звонили Моралесу?

- Она у него? - обрадовалась я.

- Не знаю. Я давно его не видела.

- Как? - растерялась я. - Ведь совсем недавно был концерт, в «России», кажется. Ванда танцевала в массовке, а Тони...

Суарес вдруг бросила сигарету. Резко опустилась на стул. Черные блестящие глаза уткнулись в меня почти со злостью.

- Вы в самом деле подруги? Ванда не выходит на сцену седьмой год!

Это было похоже удара пыльным мешком. С минуту я не могла выжать из себя ни слова, сидя, как дура, с открытым ртом. Катька рядом со мной пискнула: «Господи...» - и одним духом втянула в себя кофе. Тот оказался горячим, Катька выругалась, утробно икнула, и от этого звука я пришла в себя:

- Катька, с ума сошла, осторожней... Стелла Эрнандовна, но... как это? Ванда сама говорила нам... Ведь был же концерт в «России»?

- Был, - подтвердила Стелла. - У нас, у «Эстреллы». А Ванду я видела в зале. С ней был какой-то грузин, два метра ростом. За кулисы они не пришли.

- И она... за шесть лет ни разу не выступала? - глупо повторила я. - Даже в массовке?

- Нет, - жестко сказала Суарес. Сильно, по-мужски затянулась, отошла к окну, за которым сыпал снег. Мы с Катькой тупо глядели друг на дружку. Сказать нам было нечего. Со стены на нас, словно издеваясь, смотрела старая афиша ансамбля «Эстрелла»: шестнадцатилетняя Ванда в алом костюме с блестками на руках Моралеса. Странно было видеть ее улыбающейся.

- Это ты - Нина? - спросила вдруг Суарес, повернувшись ко мне. Я удивилась:

- Да... Откуда вы знаете?

- Ванда рассказывала. - Она подошла, пристально посмотрела мне в лицо. Чуть усмехнулась. - Она говорила: будь я как Нинка - никто бы от испанки не отличил. Ты никогда не танцевала?

- Нет. - Мне был неприятен ее острый взгляд. Стелла явно это заметила, но не торопилась отводить глаза.

- Встань, пожалуйста. Ну встань, прошу тебя!

Я пожала плечами. Поднялась. Суарес бегло осмотрела меня с ног до головы.

- Как ты держишь спину, девочка? Прянее! Плечи назад! Подними руки!

- Как? - растерялась я.

- Вот так! - она резко вскинула кисти над головой. Я неуверенно повторила ее жест, чувствуя, что становлюсь смешной, и стараясь не встречаться глазами с Катькой.

- Топни ногой.

- Но...

- Ударь каблуком! Со всей силы! Ну - заснула, что ли?

Последним вопросом она вывела меня из себя окончательно, и я шарахнула об пол каблуком так, что задребезжали стекла. Что себе позволяет эта вобла?! Я государственный налоговый инспектор, в конце концов!

- Bravo, - удовлетворенно сказала Суарес, садясь на стул. - Тебе обязательно надо танцевать. Прием в студию уже закончен, но тебя я возьму. Приходи завтра к семи.

- Но, Стелла Эрнандовна... - опешила я. - Я же работаю... Я никогда не собиралась... И потом - мне уже двадцать четыре...

– Ерунда, – отрезала она. – Не обязательно быть профессионалом. Мастеров я тренирую по утрам. В выходные вечером – тех, кто просто любит танцевать. У меня в группе пятидесятилетние пляшут! Тебе двадцать четыре, ты девчонка – а как ты стоишь? Как ты ходишь?! О чем я тебя попросила? Пустяки – выпрямитесь и поднять руки, ты и то не смогла сразу! Я научу тебя двигаться – больше ничего.

Слушать это было обидно, но я понимала, что Суарес права. О какой осанке может идти речь, если день-деньской сидишь над бумагами? Во всем нашем отделе одна Ванда могла похвастаться прямыми плечами и идеальной линией спины. Ванда... Значит, она рассказывала обо мне Суарес? Значит, они общались?

– Она была лучше всех, – не поворачиваясь, сказала Стелла, и я поняла, что она тоже думает о Ванде. – Когда мы были в Андалузии, я возила ее к своим друзьям в Морон-де-ла-Фронтера. Они сказали: «Подходит». Вы представляете, что это значит, когда в Андалузии говорят: «Подходит»?!! Это – мировой уровень! У нее было лучшее сапатеадо, какое только может быть, – здесь, в России, конечно. Она танцевала «кон дуэнде»... – Стелла нахмурилась, пощелкала пальцами, явно соображая, как перевести для нас непонятное слово. – Значит: с чертом в крови! Я никогда не видела, чтобы байлаора[1 - Танцовщица.] ТАК работала. До часу ночи! В этом самом зале! Пока охрана не выгоняла! – Она швырнула непотушенную сигарету в угол. Та описала в воздухе светящуюся дугу, свалилась за вешалку и погасла. Стелла заходила из угла в угол. – Сейчас у меня работает дуэт, Наташа с Романом, вы их видели. Как, по-вашему?

– Очень хорошо! – в один голос сказали мы с Катькой.

– Полное дерьмо! – отрезала Стелла. – Merda! Готовлю их к конкурсу – и просто плакать хочется. Если бы она хоть наполовину – как Ванда... Не то! Совсем не то! Ни к черту, не то! – Сев на стул, она нервным движением потянулась за новой сигаретой.

– Стелла Эрнандовна... – я воспользовалась минутной паузой. – Как вы думаете, она может быть у Тони?

– Может, – отрывисто сказала Суарес. Сдернув со спинки стула сумочку, она достала записную книжку, небрежно встряхнула ее, и та сама открылась на

нужном месте. Если бы не серьезность положения, я бы рассмеялась: даже предметы слушались Стеллу Суарес.

Телефон Моралеса молчал. Сначала Стелла ждала, потом повернула трубку к нам, и я отчетливо услышала долгие безнадежные гудки.

– Стелла Эрнандовна, а разве Тони тоже больше не работает?

Суарес повернулась, не вынимая изо рта сигареты. Оранжевая вспышка осветила ее лицо, мелькнула в сузившихся глазах.

– «Работает»... – процедила она. – Да он никогда не знал, что это такое – работать! Ему все само давалось. Отец – цыган из Морон-де-ла-Фронтера, значит, все, что надо, – уже в крови... У этого парня ноги ходили с трех лет! Над чем ему было работать? Ванда месяцами над техникой билась, а у него все – с первого раза. И конечно, он лучше ее был, что говорить... Но тащила его она! На каждую репетицию – чуть не за руку! Лишние полчаса поработать – с уговорами! Не получается движение, нужно повторить – почти истерика! Паршивец... Красив необыкновенно, танцевал как бог, пластика, техника, морда – все!.. А мозгов совершенно не было, никаких! Я за месяц до концерта начинала его упрашивать: «Антонио, не пей, парень, никаких шлюх до конкурса»... А он на все и на всех плевал! В девяносто пятом был международный фестиваль в Севилье, «Феста де фламенко», среди профессионалов. Все – на иголках, волнуются, репетируют, а Моралес прямо накануне куда-то пропал! На Ванде лица не было! Я сама чуть с ума не сошла – ведь целая программа летит, год работы! Весь ансамбль не спал ночь, висели на окнах – ждали. А этот мерзавец является утром, пьяный и с разбитой мордой! Подрался где-то в баре! Сразу после этого нужно было его выгнать...

Я взглянула на афишу. Смуглое лицо Тони было повернуто в профиль, рука Ванды лежала на его черных блестящих волосах. Белозубая улыбка, широкие плечи, тонкая талия. На такого женщины должны были вешаться гроздьями.

Стелла тоже покосилась на афишу.

– Когда это случилось с Вандой, я сразу поняла – Моралес пропал. Что он мог без нее? Ну да, была другая партнерша, неплохая даже... Но – оказалась с характером, и абсолютная дура при этом. Через месяц рассорились к черту, он

ее избил. Я чуть не на коленях перед ней стояла, чтоб она забрала заявление из милиции! А то посадили бы прямо перед всероссийским конкурсом... – Стелла вдруг выругалась не по-русски и умолкла. Мы растерянно молчали. За окном сыпал снег, в артистической стоял полумрак, который разгоняли лишь красный свет сигареты и тусклая лампочка у стены.

– Ванда просто плакала от него. Сама уже не танцевала, но еще года два его пыталась подгонять. Приходила на концерты, на репетиции... Я ее упрашивала – не ходи, она же мучилась... Не слушала. Ничего не слушала. Один раз она даже вышла с ним на сцену...

– И?..

– И чуть не упала! – лицо Стеллы исказилось. Она с такой яростью прижала сигарету в пепельнице, что раздавила ее в дымящуюся труху. – Он едва ее поймал! Во фламенко все – на ударе, все – на ногах, как можно было делать сапатеадо со сломанными пальцами? Это же, кроме всего прочего, страшная боль! Больше я ее ни разу не выпустила. Но на концерты она всегда приходила. Сидела в зале и смотрела. Бедная моя девочка...

Это вырвалось у нее внезапно и горько. Стелла отвернулась, провела пальцами по лицу. Устало взглянула на нас.

– Тони в прошлом году не допустили к конкурсу «Фламенко де Булерьяс». Знала я, конечно, что он кретин, но что настолько... Принял допинг, какой-то наркотик. Из ансамбля я его вышвырнула в тот же день. И больше не видела.

– Ясно... – пробормотала я.

– Что вам ясно?! – вдруг взорвалась Стелла. – Вы ее подруги – так как же вы не знаете ничего? Ее нет целую неделю, а вы не знаете? Да найдите хотя бы этого грузина, черт возьми, кто он?!

– Это Георгий Барсадзе, – зло сказала я. – Вор в законе.

– Что?! Этого только не хватало... – С минуту Суарес молчала. Затем глухо спросила: – Она впуталась во что-то? Да? Что-то серьезное?

- Мы не знаем. - Что я еще могла ответить? Наступило молчание.

Катька, о которой я совсем забыла, толкнула меня локтем в бок. Я обернулась. Она выразительно постучала пальцем по запястью.

- Стелла Эрнандовна, мы пойдем. Уже поздно.

Суарес проводила нас до дверей артистической.

- Не заблудитесь. Третья дверь направо, лестница. Потом - по коридору, там светло. Не переломайте ноги.

Мы были уже внизу, когда нас снова окликнул резкий голос:

- Когда найдется - позвоните мне! Обязательно! Слышите - непременно! Днем я здесь, ночью - звоните домой!

- Позвоним, - пообещала я. В кармане лежал адрес Моралеса и телефон Стеллы, рядом хмуро сопела Катька, в голове был полный винегрет.

На темной улице хлопьями валил снег. На остановке, кроме нас, не было никого. Троллейбус не торопился подходить, и вскоре стоящая напротив меня Катька была похожа на сердитого снеговика с красным замерзшим носом и в платке с бахромой.

- Чего ты надулась? - глядя в сторону, спросила я.

- И в мыслях нет.

- Я же вижу.

- А раз видишь - чего спрашиваешь? - вдруг огрызнулась Катька. - Сука она, Вандка! Подруга называется! Шесть лет нам врала! Танцует она, как же, выходит в массовке! Звезда наша, блин, незаходящая! И как я сразу не догадалась? Если б танцевала - сидела бы она в нашей богадельне с бумажками, дожидайся! Фря несчастная... Все Бесу расскажу - может, успокоится наконец-то! А то сам из-за этой фифы не женится и другим жить не дает! Ненормальная,

ей лечиться надо было, а не налоги собирать...

В том, что Яшка «успокоится», я сильно сомневалась. Тем не менее сказала:

– Не смей.

– Что-о? – Катька повернулась ко мне, сузив глаза. Назревал скандал.

– Ты что, не понимаешь?! Она же психованная! Шесть лет, с ума сойти! И ведь придумывать же все это надо было! Ах, выступаем в ЦДРИ, ах, выступаем в Колонном зале! То-то она нас ни на один концерт не пригласила! А мы, как дуры, уши развешивали! В дурдоме ей самое место, вот так, ага! Интересно, а если бы мы без приглашения явились? Как бы она, прима наша, выкручивалась?!

Катька орала безобразным визгливым голосом, который Бес метко называл «ножом по унитазу». Редкие прохожие недоуменно оборачивались, я морщилась, безуспешно пытаюсь вставить хоть слово. Наконец мне это удалось:

– А почему ты к этой психованной на Бесов жаловаться бегала? А?! Ну вспомни, вспомни! А кто ей в коленки плакался, что они тебе жизни не дают? А кто тебе сопلي вытирал, когда тебя Пашка Филимонов бросил? Что? Забыла, да?

– Не забыла, – стусевалась Катька. Помолчала, насупилась. – Но все равно же паскудство это, Нинк... Зачем врать было? Перед нами-то чего выпендриваться?

Возразить на это было трудно. В молчании мы доехали до дома, условились созвониться завтра и разошлись.

На кухне царила идиллия: бабуля с Осадчим сидели за столом и, дымя в две сигареты, сражались в дурака. Понаблюдав некоторое время за игрой, я заметила, что бабуля передергивает. Петька явно об этом догадывался, но почему-то строил из себя лопуха и ненатурально удивлялся:

– Что это сегодня не фартит совсем? Софья Павловна, вы меня без полочки оставите!

– Мальчик, не везет в игре – везет в любви, – утешала бабуля, лихо прикупая козырей. – Ниночка, ну как? Марсианка наша не нашлась?

– Нет. – Я ушла к себе. Зажгла торшер, вытащила из сумки папку с рисунками, которую утром забрала из квартиры Ванды, и залезла с ногами на диван. Нужно было подумать.

Марсианка, Марсианка... Как вышло, что мы ни о чем не знали? Один за другим мне вспоминались наши разговоры.

– Ванда, можно у тебя переночевать?

– Ночуй, пожалуйста, только меня не будет. Я на концерте.

– Ванда, приходи к нам, мы с мамкой «Наполеон» печем.

– Катька, завтра у меня концерт вечером.

– Вандка, в кино не хочешь? В «Авроре» с твоим Аль Пачино чего-то крутят.

– Бесик, в другой раз, мы программу работаем.

Для чего, зачем ей нужно было обманывать нас – ближайших друзей? Куда она уезжала на самом деле? Связано ли это с найденными рисунками?

Ванда не была верующей, это я знала наверняка. В ее квартире не висело ни одной иконы, она никогда не ходила в церковь. Более того, ее страшно раздражал тяжеленный золотой крест, отягощающий грудь старшего Беса.

– Яшка, как тебе не стыдно, сними. Ты же мелкий рэкети́р!

– Какой такой мелкий? – оскорблялся Бес. – Сходи на барахолку, они тебе скажут, кто там мелкий! У меня вся шелупонь на цырлах бегает!

– Неважно. Это грех – для красоты носить крест.

– Не для красоты, а для понта. Отвяжись, а то перстень с печаткой куплю.

Последнее почему-то пугало Ванду еще больше, и Яшка с крестом на время оставался в покое.

Я снова и снова перелистывала листы. Богородицы смотрели на меня внимательно и печально, в темных, неестественно больших глазах стоял укор. Три наброска я, поколебавшись, отложила в сторону. В их чертах виделось что-то неуловимо знакомое. Зажмурившись и сжав ладонями виски, я пыталась вспомнить – что.

Скрипнула дверь, вошел Осадчий.

– Продулся вчистую, – сообщил он. – Шулер твоя бабка.

– Незачем было с ней в поддавки играть. Ты знаешь, который час?

– Знаю. Метро уже закрыто.

– Пешком доберешься, ничего. Шагом марш.

– Нино-о-он... Да я на полу лягу, если у тебя крыша уехала...

– Если у меня что?..

– Ну, Нин! Что ты к словам цепляешься? Смотри, какой там снег!

– Не жми из меня слезу. – Я закрыла глаза, чтобы не видеть жалобной Петькиной физиономии. Откинулась на спинку дивана.

– Сколько мы уже в разводе?

– Нинон, ну что ты, ей-богу...

– Я спрашиваю – сколько?

- Ну, второй год...

- Не второй, а третий. До сих пор бабу себе не смог найти? При твоей-то роже? Дур неоприходованных по улице мало ходит? И покормит, и обстирает, и на водку даст.

- То-то и оно, что дуры, - зло сказал Осадчий. Направился было к выходу, но с порога обернулся. - У этой Суарес были?

- Были. Ничего. - Мне не хотелось обсуждать с ним то, что внезапно выяснилось о Ванде.

- А это откуда? - Было очевидно, что сегодня Осадчий не уйдет. Вернувшись, он сел на пол возле дивана, перетянул к себе рисунки.

- Что это за народное творчество? Вандкины картинки? Она еще и в Христа ударилась?

- Это же Богородица, дурак. - Я вдруг вспомнила о книгах, которые нашлись у Ванды. - Как думаешь, что это ей в голову пришло? И мы ничего не знали... Молчала всегда.

- В тихом омуте черти водятся, - заметил Осадчий. Взял в руки отложенные мной рисунки. - Тебе эти больше всех понравились?

- Нет. Просто не пойму - видела я их, что ли, где-то? Как раз почти вспомнила, когда ты явился.

- Дай-ка - у меня глаз незамыленный. - Осадчий разложил рисунки на полу и уставился в них милицейским взглядом. Я, уже заинтересованная, следила за ним. Прошла минута. Другая.

- Ну что?

- Не пойму... Тоже, что ли, видел... - напряженно бормотал Осадчий. На его скулах шевельнулись желваки.

Я потянулась, чтобы взять у него рисунки.

– Не трожь! – заорал он. Я ахнула, глубоко вдохнула, собираясь дать полноценный отпор, но Петька вдруг вскинул глаза. – Все – доперло! Они на Вандку похожи!

Я тут же забыла о Петькином хамстве и, упав на колени, жадно вгляделась в рисунки. «Незамыленный» глаз Осадчего не подвел. Все три Богородицы были, как одна, похожи на Ванду. Тонкие черты, прямой нос, резко обозначенные скулы, чуть припухшие губы. Я не была знатоком живописи, но на какой иконе можно было увидеть такие губы и скулы?

– Здравсьте, я ваша тетя... – Осадчий дышал мне в волосы, заглядывая через мое плечо в рисунок. – Это, выходит... Она себя рисовала, как Богородицу, что ли? М-да-а...

Запустив руки в волосы, я отчаянно соображала. Что это значит, что это еще означает?! Теперь мне было уже по-настоящему страшно, и я на одном дыхании вывалила Петьке все, что узнала сегодня. Про Стеллу, Моралеса и выдуманные концерты Ванды.

– Катька... Катька говорит, что она – сумасшедшая. Что нормальные люди шесть лет так врать не могут.

– Черт ее знает... Да-а-а... – Петька явно был растерян не меньше меня. – Может, у нее мания величия была? А мы не знали?

– Боже мой... – пробормотала я, отворачиваясь. Все произошедшее настолько ошеломило меня, что я не сразу обратила внимание на Петькины пальцы, ненавязчиво поглаживающие мои волосы. – Осадчий, прекрати.

– А что я делаю? – Петька с невинным видом уставился на вытащенные им шпильки. – Тебе с распущенными лучше. И правда – шла бы фламенко танцевать, раз эта Суарес приглашала. А я буду мужикам хвастаться.

– Еще чего... Хватит. Хватит, тебе говорят! – Я оттолкнула его руку. Петька вздохнул, отодвинулся. Некоторое время мы молча сидели на полу. Вокруг были

разбросаны рисунки Ванды. Один листочек слегка шевелился от сквозняка.

– Нинон, я ж все понимаю. Думаешь, не понимаю? Не хочу я больше так... Сколько можно-то? И нет у меня никакой бабы, это ты сама себе насочиняла. Ну ладно, если хочешь – я виноват...

– Одолжение мне делаешь?

– Да нет... Не то. Ну, что ты хочешь, чтоб я сделал? На колени встать? Сейчас перевернусь...

– Ничего не хочу. Правда. Иди домой, Осадчий. Ночь-полночь.

Он взглянул на меня. Я чувствовала этот взгляд, но упорно смотрела на вздрагивающий в пятне света листок. Через минуту Петька молча поднялся и вышел. До меня донесся чуть слышный щелчок закрывшейся двери.

Реветь я не стала, хотя желание было невероятное. Поднялась с пола, собрала рисунки, спрятала их в шкаф. Рука совершенно автоматически легла на телефонную трубку. Я уже начала набирать номер, когда вспомнила, что Ванды нет и жаловаться на Петьку некому. Обозвав себя дурой, я подошла к окну, отодвинула занавеску. Снег на улице валил все сильнее. Сквозь сплошную пелену едва просвечивали мутные круги фонарей. Прислонившись лбом к окну, я сосчитала на пальцах. Закончились уже шестые сутки с того дня, как пропала Марсианка.

Утром в воскресенье я проснулась злая, с больной головой. Было уже одиннадцать. Снег, сыпавший всю ночь, перестал. Под окном лежали белые горы, кое-где пересеченные птичьим следом. Низко нависшее небо обещало новый снегопад. На кухне свистел чайник и слышалось самозабвенное пение бабули, исполняющей арию Кармен:

– Меня не любишь ты – так что ж,

Зато тебя люблю я!

Тебя люблю – так берегись

Любви-и-и моей!

Я придвинула к себе телефон и набрала номер Моралеса. В трубке слышались те же длинные гудки, что и вчера: Тони наверняка ночевал не дома.

Второй звонок я сделала в Париж. По случаю воскресенья мама оказалась дома. Она обрадовалась мне, рассказала, что у них тепло, что работа идет вовсю и отцовская книга переведена уже наполовину, что если так пойдет и дальше, то к лету они вернутся, а для меня она присмотрела чудный брючный костюмчик. В ответ я рассказала о работе, о здоровье бабушки, о том, что в Москве опять снег, передала привет отцу. Настроение, как всегда после разговора с мамой, значительно поднялось. Теперь можно было спокойно подумать о делах. Натянув джинсы и свитер, я двинулась на кухню.

Бабуля варила кофе. На меня она посмотрела с неодобрением:

– Куда это вы собрались, мадам?

– По делам, – в рифму ответила я. От дальнейших объяснений меня избавил звонок в дверь.

На пороге стоял Яшка Мелкобесов. С первого же взгляда на него можно было констатировать, что Катька вчера не удержала языка за зубами.

– Здравьете, Софья Павловна, – хмуро сказал он. – Нинка, собралась? Поехали.

Секунду я усиленно соображала, что взбрело Бесу в голову. Затем пожала плечами, под подозрительным взглядом бабули влезла в сапоги, стянула с вешалки дубленку и вышла вслед за Яшкой.

– Нина, ты не накрасилась! – полетело мне вслед. Я сделала вид, что не слышу. Яшка, оказавшись на лестничной клетке, искоса взглянул на меня:

– Ревела, что ль, вчера?

– Ничего подобного (вот балда – хоть бы припудрилась!). А... а куда мы едем, Яшенька? Разве договаривались?

– Катька говорила – ты к этому Моралесу собиралась. Я ее звал – не хочет ехать. Злая и солянку строгаает. К ней щас лучше не лезть.

Мы уже были внизу, где нас дожидалась «букашка». Идя через обледенелый тротуар, я торопливо прикидывала, как отговорить Мелкобесова от совместной поездки. Я никак не рассчитывала на его присутствие при разговоре с Тони.

– Яшка, а давай я одна съезжу. Ну зачем тебе время тратить? Я с утра звонила – его и дома-то нет.

– А куда прешься тогда?

– На всякий случай...

– Ну и я на всякий. – Он залез в «букашку», включил зажигание. Я села рядом, подумала и высказалась напрямик:

– Знаешь что, Бес, – нечего тебе там делать. Вы будете друг другу морды бить, а я – вокруг вас бегать?

– Много чести – морду ему бить, – буркнул Яшка, вырывая со двора. – Башку отверну, и все.

Меня это мало утешило. Яшка был здоровым, сильным парнем, но и Моралес, по моим воспоминаниям, – не дистрофик. Хорошо, если Ванда окажется там и вдвоем мы их кое-как растащим. А если нет?..

Яшка покосился на меня.

– Да не бойсь. Не трону я его. – Он помолчал, глядя на заснеженную дорогу. – Мы с братанами ночью посидели, померекали... С утра Серега с Коляном барахолку пошли шерстить. Я так решил, что если она где-то ширево доставала, то рядом с домом. Может, запомнил ее кто, клиент-то она не постоянный... я думаю. А Гришка на Новослободскую поехал.

– Зачем?

– Ну, в записке-то, помнишь? «Новослободское метро, отдать фотографии». Может, она их печатать отдавала? Гришка пройдет, поспрашивает. Может, видал ее кто-нибудь. А Вовка здесь, по району бегает. У нас возле метро в шести местах карточки печатают, мало ли что.

Я молчала, пораженная размахом мелкобесовской деятельности. До Павелецкого вокзала, возле которого обитал Тони, мы доехали в безмолвии.

Прямо у подъезда я наткнулась на Стеллу Суарес. Она ставила на сигнализацию красную «Ауди».

– Нина? – удивилась она. – Что ты здесь делаешь?

– А вы? – нахально спросила я.

– Я ему звонила всю ночь. – Стелла не обратила внимания на мой тон и встревоженно терла пальцами виски. – Не берет, паршивец, трубку.

– Может, его нет?

– Ну да, как же... Идемте. Быстрее.

Она явно была взволнована. Втроем мы вошли в узкий, темный подъезд. Стелла неслась по лестнице впереди нас, и полы ее черного пальто развевались, как крылья.

Квартира была заперта. Я вновь и вновь нажимала на звонок. Из-за двери доносились его приглушенные трели. Яшка уже махнул рукой, собираясь уходить, но напряженно прислушивающаяся Суарес вдруг сделала резкий жест.

– Тихо! – и прикинула ухом к двери. В следующий миг лестничную клетку огласили пронзительные вопли. Стелла орала по-испански, прикинув к замочной скважине. Я не понимала ни слова, но и так было ясно, что это самая отборная брань.

– Дверь сумеешь высадить? – остановившись на секунду, спросила она Яшку.

– Без проблем, – заверил Бес, бодро сбрасывая мне на руки куртку. Я зажмурилась, готовясь услышать страшный треск. Но в это время дверь медленно, словно нехотя отворилась.

Тони Моралес едва держался на ногах. Он был совершенно пьян и стоял, держась обеими руками за узкие стены коридора. Как он сумел добраться до двери и открыть ее – уму непостижимо.

– Каналья! – бросила Стелла и промчалась мимо него в комнату. – Ванда! Ванда, ты здесь?

Яшка потопал было следом, но вскоре вернулся и решительно сгреб Тони за шиворот.

– Нет ее тут. Ну, сука, давай разбираться?

– Яшенька, не надо! – взмолилась я. – Он же пьяный!

– Ни хрена. – Яшка внимательно изучил заросшую черной щетиной физиономию Моралеса и без особой деликатности бросил его на пол. – Он на игле. Посмотри на зрачки.

Я недоверчиво присела на корточки. До сих пор мне приходилось видеть наркоманов только в кино и криминальных новостях. Передо мной валялся на спине грязный, воняющий потом мужик в задранной на животе майке. Небритое лицо отливало синевой, мутные глаза с иголкой зрачка были абсолютно безумными. Он пытался встать, но лишь беспомощно корчился, напоминая животное с перебитым позвоночником. Черные встрепанные волосы были засыпаны какой-то белесой пылью. Приглядевшись, я поняла – известка.

– Тони, ты слышишь меня? Я – Нина, подруга Ванды. Скажи, она была здесь? Приходила?

Тони хрипло застонал, попытался перевернуться. Из рта его потянулась ниточка слюны. Ища опоры, он ухватился за мое колено, я проворно отдернула его, и Моралес снова упал. Стон, ворчание, несколько непонятных слов. Красные сумасшедшие глаза, не мигая, смотрели на меня.

– Сеньорита... Сеньорита, сокорра... Сокорраме...

– Я не понимаю, – испуганно сказала я. Невольно протянула ему руку, и Тони судорожно вцепился в нее. От страха я заверещала в голос, по коридору застучали каблуки мчащейся из комнаты Стеллы, Яшка кинулся мне на помощь, но отодрать от меня Моралеса они смогли лишь вдвоем с Суарес.

– Каналья! Мерзавец! Ихо де пута![2 - Сын шлюхи.] – вопила Стелла. Каждое слово сопровождалось звонким ударом по моралесовской физиономии. Тони стоял на коленях, его голова безвольно моталась из стороны в сторону. Боли он, казалось, не чувствовал и лишь что-то бессвязно бормотал. Когда Стелла, разрядившись последней пощечиной и длинной испанской фразой, отвернулась к стене, я смогла разобрать слова:

– Помогите... Мне нужна доза, помогите... Сокорраме, сеньорита, madre де диос...

– За испанку тебя принял, – без улыбки сказал Яшка. Нагнувшись к Тони, взглянул ему в лицо. – Конкретно подсел, лопух. Теперь, пока в чувство не придет, – ничего не скажет. Здесь до вокзала близко вроде?

– Из окна видно...

– Сейчас вернусь. – Яшка вышел из квартиры. Дверь хлопнула так, что зазвенели оконные стекла, но Тони не поднял головы. По искаженному жалкой гримасой бледному лицу текли медленные слезы.

– Помогите, сеньорита... помогите... Она не пришла... Она не принесла... Обещала, обещала... Ван... да... Позвоните Серому в Пуш... Пуш... В Пушкино... Он достанет...

Я отвернулась. Мне было жутко. Не хотелось даже спрашивать, кто такой этот Серый из Пушкина. Наверняка какой-нибудь продавец героина. Стелла стояла отвернувшись к стене, молчала. В квартире было холодно, распахнутая форточка скрипела на сквозняке. Подойдя, я прикрыла ее. Осмотрелась.

Когда-то это был очень красивый дом. Мебель темного полированного дерева смотрелась солидно, обои с блеклым рисунком выглядели бы вполне по-европейски, если бы не были местами залиты вином и чем-то еще, явно физиологического происхождения. Пахло отвратительно. По светлому квадрату на полу без труда можно было определить границы покинувшего квартиру ковра. Не было ни телевизора, ни музыкального центра, ни даже радио. На полу – осколки битой посуды. Наклонившись, я подняла один. Стекло с позолотой?

– Хрусталь, – глухо сказала за моей спиной Стелла. – Кубок «Канте фламенко», девяносто шестой год. Третье место среди профессионалов. А не напился бы накануне – взяли бы первое. Ванда сильно переживала...

Я положила осколок кубка на подоконник. Со стены смотрела огромная, наклеенная поверх обоев афиша ансамбля «Эстрелла» – такая же, что и в примерной Суарес. На меня снова смотрела смеющаяся Ванда в алом платье. Лицо Тони было повернуто в профиль. Медальный профиль красавца со сверкающей улыбкой. Прямо под афишей стояла незастеленная кровать. На смятом, несвежем белье были отчетливо видны засохшие извержения желудка. Чувствуя, что меня начинает подташнивать, я вернулась в прихожую.

Стелла сидела на корточках под вешалкой спиной ко мне. Она обернулась на мои шаги.

– Нина... Подойди.

Пару туфель, извлеченную Стеллой из-под вороха мужской одежды, я узнала сразу. Эти туфли мы с Вандой покупали вместе – шесть лет назад, в ГУМе. Ванде понравились устойчивый и вместе с тем изящный каблук и красные граненые бусинки, вделанные в черную кожу. Для каждодневной носки это, разумеется, было непригодно, но для выступлений – лучше не надо. Ей так и не удалось выйти в них на сцену – через две недели она разбила ногу на Майорке.

– Это ее туфли?

– Да.

Мы с удвоенной энергией принялись за поиски и вскоре обнаружили массу признаков недавнего пребывания Ванды в этой квартире. В ванной на батарее

висел знакомый комплект шелкового белья, на полочке лежала волосяная щетка. Из помойного ведра, решительно высыпав на пол его содержимое, Стелла извлекла смятую записку: «Деньги на хол. Куда т. ст.? Больше не д. ни коп. Сволочь». Расшифровка меня не затруднила, поскольку ключевые слова были написаны полностью. Вспомнив о привычке подруги читать перед сном и затем оставлять книгу на полу, я заглянула под кровать. Там лежал толстый том, и, прочтя название, я ощутила знакомое беспокойство. «Иконопись Полоцкого края». Да что же это значит, наконец?

Истерика Тони постепенно переходила в раздражение. Он уже не плакал. Сидя на полу и прислонившись спиной к стене, он смотрел перед собой и глухо бормотал какие-то угрозы. Его лицо приобрело ожесточенное выражение. Я с тревогой начала подумывать о том, что, разойдись он по-настоящему, мы со Стеллой вряд ли с ним справимся. К счастью, вскоре вернулся Бес.

– Достал, – сообщил он. На грязный стол легла ампула с прозрачным веществом. Из другого кармана Яшка вытащил обычный медицинский шприц.

– Нинка, уколы умеешь делать?

– Я умею, – сказала Суарес. Двумя резкими движениями засучила рукава и ушла в ванную мыть руки.

Через час Тони Моралес был здоров и счастлив. Он лежал на кровати с закрытыми глазами, блаженным выражением лица и даже отчасти напоминал прежнего красавца с афиши. Стелла сидела рядом с ним, сжимая в побелевших пальцах пустой шприц. Ее узкие глаза не мигая смотрели в стену. Я стояла у окна и листала «Иконопись Полоцкого края» в надежде прояснить хоть что-нибудь. Но яркие иллюстрации и глянцевые страницы словно смеялись надо мной.

– Хватит кайфовать, гнида, – потерял терпение Яшка. – Мадам, разрешите...

Он потеснил Стеллу так ловко, что она даже не успела возмутиться. Бесцеремонно встряхнул Тони, заставил сесть и уже размахнулся было, но я повисла на нем:

– Яшенька, подожди... Он все скажет...

- Я скажу, - подтвердил Моралес, открывая глаза. С удивленной улыбкой он осмотрел нас. - Стелла, hola,[З - Привет.] что ты здесь делаешь? Кто это с тобой?

- Ты в порядке? - напряженно спросила Стелла.

- Si. - Он улыбнулся еще шире, блеснули белые крепкие зубы. - А в чем дело?

- Пропала Ванда. - Лицо Суарес с опущенными глазами напоминало грозовую тучу. Было очевидно, что она едва сдерживается. - Когда ты ее видел последний раз?

С лица Тони сбежала улыбка. Он отвернулся от Стеллы, опасливо покосился на Яшку, взглянул на меня:

- Но... я ничего не знаю. На работе ее нет?

Бес, изменившись в лице, качнулся вперед, и я снова вцепилась в него:

- Яшка, прекрати! Сядь, тебе говорят! Тони, я работаю вместе с ней. Я - Нина, если помнишь, ее подруга. Ее нет на работе с понедельника.

- А сегодня что? - невинно поинтересовался он. Под нарастающее рычание Беса я сообщила, что сегодня воскресенье. Собравшись с силами, Тони задумался.

- Она была... Давно. Была два дня.

- Целых два дня?

- Ну да.

- Значит, в выходные. Не помнишь, в эти или раньше?

- Давно. Она обещала принести дозу... и больше не пришла. - По его красивому лицу неожиданно пробежало неприятное, почти жестокое выражение. Он явно собирался что-то добавить к сказанному, но, взглянув на Беса, воздержался.

- Она приносила тебе наркотики? - тихо спросила я.

- Да, всегда, - подтвердил он тоном обиженного ребенка. - Она сказала, что будет доставать сама... чтобы я ни во что не впутался. И не давала много. Мне надо было больше, я ей говорил, а она ничего не слушала.

- В этот раз она должна была прийти?

- Да-а... И не пришла совсем. Я же ей даже дал деньги, у меня были. Сука, она же знала, что я не могу...

Тр-рах!.. Удержать Яшку не сумел бы сейчас даже отряд ОМОНа. Все произошло стремительно. Моралес с грохотом ударился о соседнюю стену, заорал, вскочил было, но Бес применил свой знаменитый апперкот левой, и комната наполнилась треском, воем и головокружительной руганью:

- Щас ты у меня узнаешь, падла! Щас ты у меня все сможешь, пидор сраный! Ты у меня всю жизнь на таблетки пропанешь! Нинка, отойди, не мешайся!

Ситуация стремительно выходила из-под контроля. К счастью, мне на помощь пришла Стелла, которая с удивительным профессионализмом заехала Бесу в челюсть. От неожиданности Яшка выпустил Моралеса. Тот кубарем откатился в угол.

- Приложи холодное, - посоветовала Стелла ошалело глядящему на нее Бесу. Сама сходила на кухню и принесла из холодильника мороженую сосиску. Яшка автоматически взял ее, пристроил к челюсти и опустился на кровать. Я погрозила ему кулаком:

- Совсем свихнулся... Тони! Ты живой?

Моралес, шатаясь, поднялся. Сузившиеся черные глаза горели ненавистью.

- Пошли вы к черту, - процедил он. - Больше - ни слова.

- Подожди, господи... Скажи хотя бы, кто этот Серый? Он из Пушкина? Наркоторговец, да? Ванда не могла у него покупать наркотики?

На миг лицо Тони дрогнуло, по нему пробежал испуг. Но он тут же пришел в себя и упрямо мотнул головой. Стелла, стоящая у стены, в упор посмотрела на него. Резко спросила что-то по-испански. Тони не ответил. Стелла спросила снова. Она почти не повысила тона, но от металла, звенящего в ее голосе, даже меня окатило холодом. Моралес опустил глаза. Едва слышно, сквозь зубы, произнес несколько коротких фраз.

- Виено, - отрывисто бросила Стелла. Повернулась к нам: - Он ничего не знает. Она ушла неделю назад. Не приходила и не звонила. С Серым она незнакома.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Танцовщица.

2

Сын шлюхи.

3

Привет.

Купить: https://tellnovel.com/drobina_anastasiya/prekrasnoe-videnie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)